

Сун Гуйчэн озвучил свою идею, и большинство присутствующих согласились. Даже Сюй Лань, которая казалась самой робкой, решила пойти и посмотреть, что к чему. Однако трое парней, живших вместе с женщиной с квадратным лицом, остались недовольны.

— Мы не хотим идти, собираемся вернуться в комнату отдохнуть, — заявил тот, кто выглядел среди них заводилой. Остальные двое даже не пошевелились.

Остальные не стали настаивать — в конце концов, это личное дело каждого.

Ши Суй усмехнулся, и в его голосе сквозила явная насмешка:

— Ну что ж, тогда сидите в своей норке, маленькие мыши.

Мужчина с квадратным лицом, который вчера отчитывал Ши Суя, тоже бросил на них презрительный взгляд и первым зашагал по лестнице. Чэ Вэнь лишь выразительно закатила глаза, ничего не сказав, но было очевидно, что она тоже презирает этих трусливых людей.

[Черт, ненавижу таких напарников.]

[И не говори. Сами палец о палец не ударят, а как что-то нужно — сразу к другим бегут.]

[Бесят. Можно их как-нибудь выставить отсюда?]

[А если им что-то не достанется, так они еще и проклинать начнут.]

[Больше всего раздражает это моральное давление. Тошнит.]

[Если у меня нет морали, никто не сможет на меня давить.]

...

Характер у той троицы был не из легких, так что подобная реакция не удивила, но даже обычно спокойная Ян Цзе нахмурилась. Впрочем, она промолчала и последовала за остальными.

Сун Гуйчэн и Чжан Ифань, которые попали в подземелье впервые, ничего не понимали. Идущий рядом Ши Суй пояснил:

— В многопользовательских подземельях улики и информация общие, а они просто хотят воспользоваться плодами чужого труда.

Сун Гуйчэн сначала удивился, а затем почувствовал отвращение. Чжан Ифань и вовсе выругался: ну и мерзавцы, другие рискуют жизнью, а они отсиживаются в комнате, надеясь на готовенькое.

Лестница со второго на третий этаж была узкой и темной. Чем выше они поднимались, тем гуще становился мрак. Ковров не было, и шаги десятка с лишним человек гулко отдавались в тишине.

Оказавшись на третьем этаже, они обнаружили, что в коридоре всего две двери, одна из которых была заперта на замок, тускло поблескивавший в темноте. Единственное окно в конце коридора было плотно закрыто, из-за чего здесь царил гнетущая атмосфера.

Сюй Чунчуань подошел к незапертой двери и открыл её. Сун Гуйчэн уже приготовился бежать, если оттуда выскочит что-то жуткое, но внутри оказался обычный кабинет.

Сун Гуйчэн подошел к северному окну и отдернул штору. За стеклом простиралось серое небо, казавшееся вечно пасмурным. За массивным рабочим столом и по бокам от него стояли высокие темно-красные книжные шкафы, книги в которых были расставлены в идеальном порядке.

Обычно в таких местах и прячут важные улики. Поскольку вторая дверь была заперта, все решили осмотреться здесь. Помимо стеллажей в кабинете стояло несколько шкафчиков, в которых хранились детские книжки с картинками и старые издания.

Вещей было много, поэтому после распределения обязанностей все с головой ушли в работу. Сун Гуйчэн и Чжан Ифань занялись шкафчиками у окна. Книги были покрыты толстым слоем пыли, и Чжан Ифань то и дело чихал. Сун Гуйчэн предложил ему перебирать стопки почище, а сам присел на корточки, разбирая старые книги.

Чжан Ифань смущенно улыбнулся:

— Прости, у меня аллергический ринит.

— Ничего страшного, — ответил Сун Гуйчэн и вдруг задумался: — А разве Мир Следа души не может вылечить такую болезнь?

Если он правильно помнил, в прошлом подземелье он получил серьезные травмы, но стоило выйти наружу, как все зажило.

— Болезни из реального мира так просто не убрать, — отозвался мужчина с квадратным лицом, перебирая книги в другом шкафу. — Но такие пустяки можно вылечить за пару баллов, это дешевле, чем поесть. — Он добавил невзначай: — В этом мире человеческая жизнь — самое дешевое, что есть.

Сун Гуйчэн замер. И правда, здесь жизнь ничего не стоит.

— Кстати, дружище, как тебя зовут? — спросил мужчина. — Я — Мань Лун.

Его мощное телосложение вполне соответствовало такому имени.

— Приятно познакомиться, брат Лун. Я Сун Гуйчэн, — вежливо ответил он. Чжан Ифань тоже представился.

— Держись подальше от этого Ши Суя, — заговорщически прошептал Мань Лун. — Он по мужчинам!

Сун Гуйчэн прямо посмотрел на него:

— Ну и что с того?

Чжан Ифань добавил:

— Брат Лун, ты ведь не такой старый, чтобы быть таким дремучим?

Поняв, что его неправильно поняли, Мань Лун замахал руками:

— Да кому какое дело, кто кого любит! — он оглянулся и добавил с пренебрежением: — Просто он вечно таскает за собой этого прихлебателя, который бежит за ним хвостиком, а сам при каждом удобном случае подкатывает к таким симпатичным парням, как вы!

Сун Гуйчэн обернулся. Сюй Чунчуань прилежно обыскивал книжный шкаф, а Ши Суй, развалившись в кресле за рабочим столом, лениво закинул ногу на ногу, словно избалованный барин.

— Эх, — вздохнул Мань Лун, — если я когда-нибудь выберусь отсюда, первым делом куплю жене ту сумку, о которой она так давно мечтала.

Сун Гуйчэн хотел было что-то ответить, как вдруг в голове прозвучал электронный голос:

[Игрок Сун Гуйчэн обнаружил ключевую улику: Альбом рисунков сестры.]

Он замер. Не только он — остальные тоже остановились и уставились на него. В таких случаях информация об улике становилась доступна всем.

— Ничего себе! — Ши Суй подскочил к нему и по-дружески приобнял за плечи.

Сун Гуйчэн молча потряхнул его руку и посмотрел на тонкий альбом в своих руках.

— Скорее открывай! — поторопил Мань Лун.

Он послушно открыл его. На первой странице цветными карандашами была нарисована семья из четырех человек. Несмотря на абстрактность рисунка, было ясно: мужчина в очках с чашкой чая — Хозяин, женщина с книгой на диване — Хозяйка. Рядом с ними сидели брат и сестра, оба с прищуренными от улыбки глазами. Сцена выглядела очень тепло и по-семейному.

Дальше шли рисунки из повседневной жизни: уроки игры на фортепиано, прогулки в горах с родителями, моменты, проведенные с братом. На некоторых рисунках появлялась еще одна девочка, ровесница сестры.

Чэ Вэнь указала на неё:

— Кто это?

— Возможно, дочь садовника, — предположил Сун Гуйчэн, вспомнив слова Хозяйки.

Все вспомнили, что Хозяйка упоминала садовника и ремонтника, и что у садовника был ребенок. Первая половина альбома позволяла заглянуть в детство девочки: интеллигентный отец, мягкая мать, любящий брат. Было заметно, что с братом она была особенно близка — на всех совместных рисунках у них были одинаковые выражения лиц: глаза-щелочки и счастливые улыбки.

Однако во второй половине альбома стиль кардинально изменился. Девочка перестала использовать акварельные карандаши, перейдя на восковые мелки. Цвета перемешались, рисунки стали бессмысленными. То кривые линии, то сплошные пятна, то множество мелких точек, густо покрывающих весь лист.

От всех рисунков веяло негативом: печалью, подавленностью, обидой. Трудно было представить, что это нарисовал пяти-шестилетний ребенок. Последние страницы были пустыми — девочка перестала рисовать, а вскоре и сама исчезла.

После просмотра альбома в кабинете воцарилась тяжелая тишина.

— Что... что же она пережила? — Сюй Лань прикрыла рот рукой, её голос дрожал.

Никто не мог ответить. И Сяотин сжала её руку, а Ян Цзе, глядя на рисунки, почувствовала необъяснимую тяжесть.

— Может, нам стоит спросить, жива ли она еще? — тихо произнес Сун Гуйчэн.

На самом деле, каждый из них уже догадывался: если бы девочка была жива и находилась в этом особняке, они бы её уже нашли.

— Ладно, улику нашли, пошли отсюда, — Ши Суй поднялся, но от долгого сидения на корточках ноги затекли, и он пошатнулся. Сюй Чунчуань поддержал его, на что тот лишь фыркнул.

Мань Лун спросил:

— А как же та комната?

— И что? — Ши Суй покосился на него. — Хочешь выбить дверь своей грубой силой? Осторожнее, а то на тебя подадут в суд за порчу имущества!

— Ты! — Мань Лун стиснул зубы.

Впрочем, открыть замок быстро все равно не удалось бы, да и никто особо не горел желанием входить в ту комнату.

— Пошли, — Ши Суй отряхнул пыль со своего плаща.

Дойдя до порога, он вдруг остановился и одним прыжком спрятался за спину Сюй Чунчуаня.

Сюй Чунчуань: «...»

Но когда он сам подошел к выходу, то невольно замер, выпрямившись и приняв оборонительную стойку.

У лестницы стоял Брат. Большая часть его тела тонула в тени, на лице не было никаких эмоций, а холодный взгляд был прикован к Сун Гуйчэну.

Точнее, к альбому у него в руках.

<http://bllate.org/book/20722/2073799>